

1927 ГОД. ПЕРЕВОРОТ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ

1927 год в истории русской церкви, год появления знаменитой Декларации митрополита Сергия, — то же, что 1917 в истории России. Это поворотный пункт. До сих пор вся жизнь церкви протекает под знаком этого года. В Питере он проходил особенно остро, поэтому его я выделяю в отдельную главу.

Но прежде всего несколько слов о себе. В этом году мне исполнилось 12 лет. Когда мне было 8, бабушка, всплыв, про меня говорила: «Это дрянь малая». В 1927 году «дрянь малая» стал большой дрянью. В преддверии 12 лет резко обострились все присущие мне черты характера: почти патологическая вспыльчивость, резко выраженный эгоцентризм. Анархизм, присущий мне от природы, выразился в полном нежелании подчиняться какой-нибудь дисциплине : в школе я бывал лишь редким гостем.

Тогда у меня были две страсти: чтение и церковь. Читал я в течение двух лет трех авторов. «Бесы» Достоевского (прочел 15 раз, так что мог пересказать всю книгу близко к тексту), « Графиню Монсоро » А. Дюма-отца (прочел не менее 20 раз) и полное собрание сочинений Д.Л. Мордовцева, ныне забытого исторического романиста. Впоследствии я всегда рекомендовал ученикам читать исторические романы. Я до сих пор считаю, что это лучший метод изучения истории. Благодаря Дюма, последние Валуа, Генрих 4 и Людовики — для меня старые знакомые. Чтение исторических романов — это единственный способ наполнить схему жизнью, перенести ученика в отдаленную эпоху. Учебники и учителя здесь бессильны.

Не могу точно определить, что меня влекло к Достоевскому. Я его читал обычно поздно вечером, несмотря на гнев бабушки, которая требовала, чтоб я ложился спать. Как сейчас помню: 12 часов, все спят, напряженная тишина, « бессмысленный и желтый свет » лампы — и Достоевский. Все это сливается в ощущение напряженности, тревоги, кошмара...

Выше я упоминал о Толстом. Но вся моя жизнь — это спор Толстого с Достоевским. В юности, в середине жизни, побеждал Достоевский. Теперь, в старости, ближе Толстой. Хочется ясности, цельности, полноты...

Вечер прекрасен.

Дорога крута.

Отдых напрасен.

Стучу в ворота...

А в воротах старец с серебряной бородой.

Но главное содержание жизни — церковь. Сейчас, вспоминая себя в то время, я вижу, что я был более церковен, чем религиозен. Архиерейские служения, церковное благолепие — все это меня чаровало. Я был в детстве фанатиком-обрядовером. Благодаря хорошей памяти, я уже тогда знал службу наизусть; знал наизусть даже некоторые акафисты (любимый мною акафист Иисусу Сладчайшему и наш питерский акафист Божией Матери «Отрада», составленный кем-то в двадцатые годы. Он читался в Новодевичьем монастыре). Плохо лишь дело было с пением : медведь на ухо наступил. Самое любимое — быть в стихаре около архиерея, с посохом, на виду у всей церкви. Все посты, все обряды соблюдал до мелочи, что не мешало мне грубить и огорчать бабушку и ругаться среди мальчишек как последний извозчик. Себя в будущем я видел архиереем, митрополитом, а пока проповедовал бабушке и Поле и читал им богословские лекции.

Церковные дела меня увлекали больше всего, а потому уже тогда я знал все сложные перипетии церковной жизни. Буду продолжать свой рассказ о них.

Осенью 1926 года совершилось знаменательное событие: впервые после расстрела митрополита Вениамина питерцы увидели белый клубок. Наконец был назначен в Петроград митрополит. Это был во всех отношениях выдающийся человек, вошедший в историю русской церкви: Иосиф Петровых. Ему тогда было не больше 50 лет. Высокого роста, борода лопатой, рыжеватая, с сединой. Настоящая русская борода — не то что у наших архиереев-академиков, которые носили элегантно подстриженные французские бородки. Крестится истово, кладет во время ектеньи поясные поклоны; в лице суровость и сосредоточенность. Таким предстал владыка-митрополит перед питерцами в то единственное богослужение, которое ему удалось совершить в соборе Александро-Невской лавры 12 сентября 1926 года.

За плечами митрополита был долгий путь. Сибиряк по происхождению, из крестьян (брат его служил в Питере бухгалтером), владыка с детства ходил по монастырям, затем окончил семинарию и академию. Он постригся, как все архиереи, на 3-ем курсе, но по типу резко отличался от тогдашнего ученого

монашества, зараженного (впрочем, не только тогда) духом церковного карьеризма. Строгий монах, аскет, он был воспитан на «Добротолубии», которое было его любимой книгой. Даже в то бурное время непрестанно перечитывал он по-гречески писания Св. Симеона Нового Богослова. Лично знал и был близок в свое время к отцу Иоанну Кронштадтскому. Будучи иеромонахом, вошел в круг Великой Княгини Елизаветы Федоровны, святой женщины, явившей в романовской династии пример высокой духовности, которая, несомненно, должна быть со временем канонизирована. Был близок также к Патриарху Тихону, когда тот был еще архиепископом Ярославским. При преемнике архиепископа Тихона на ярославской кафедре, архиепископе Агафангеле, был рукоположен во епископа Ростовского, викария Ярославской епархии. В Ростове он провел все бурное революционное время. Во время раскола был главным советником митрополита Агафангела, а после его ссылки стал управлять Ярославской епархией. Патриарх Тихон после своего освобождения возвел его в сан архиепископа. После ареста митрополита Петра (в декабре 1925 года), во время возникшей затем смуты, он выступил как решительный противник инспирированного властью Высшего Церковного Совета во главе с архиепископом Григорием и энергично поддержал законного заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Между тем, митрополиту Сергию власти предложили «легализацию», т. е. попросту подчинение церкви государству¹. После отказа митрополита Сергия от легализации он был арестован, и на короткое время высшая церковная власть перешла в руки архиепископа Иосифа. И ему была предложена «легализация». Но архиепископ даже говорить на эту тему не захотел, после чего также был арестован, успев передать свою власть единственному близкому к нему архиерею, Угличскому епископу Серафиму (Самойловичу). Осенью 1926 года митрополит Сергий и архиепископ Иосиф были освобождены, и архиепископ Иосиф был назначен митрополитом Сергием к нам в Питер с титулом митрополита Ленинградского. Когда митрополит Иосиф ехал к нам в Питер, ему многое было невдомек. Между прочим то, что соглашение между митрополитом Сергием и Тучковым (членом коллегии ОГПУ, ведающим церковными делами) о легализации уже достигнуто и лишь решено его на некоторое время держать в тайне. После

¹ [1] Одним из следствий «легализации» была обязательная регистрация всех приходов, всех духовных лиц (от митрополита до пса-ломщика), всех церковных старост, т. е. фактическая апробация всех церковных работников органами власти (ГПУ) и полнейший контроль атеистической власти над церковью. Порядок, полностью восторжествовавший в 1927 г., существующий в русской церкви до сего дня и вызывающий до сих пор многочисленные протесты со стороны верующих.

своей первой и, как оказалось, единственной службы в лавре, митрополит Иосиф поехал проститься со своей ростово-ярославской паствой. Однако по дороге, будучи в Москве, он получил приглашение к Тучкову на Лубянку. Тучков счел нужным позондировать, как относится к «легализации» митрополит Иосиф — второе, после митрополита Сергия, лицо в русской православной церкви. Результатом этого «зондажа» было то, что митрополит Иосиф, приехав в Ростов Ярославский для прощания со своей паствой, получил уведомление, что ему выезд из Ростова воспрещен. Причина была ясна: Тучков прекрасно понимал, что для проведения в жизнь «легализации» необходимо, чтоб во главе Питера (важнейшего после Москвы церковного центра) стоял сторонник «нового курса» церковной политики. В управление Петроградской епархией вступил епископ Петергофский Николай, убежденный сторонник «легализации», тесно связанный с епископом Алексием, а через него — с митрополитом Сергием.

В церквях поминались имена Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и митрополита Иосифа, но для всех было ясно, что ни первый, ни второй уже никогда к кормилу церковного управления не вернуться. Власть, однако, наученная горьким опытом полного провала обновленчества, действовала осторожно. Формально все оставалось по-старому. Однако весной 1927 года начали появляться первые тревожные симптомы: в апреле 1927 года произошло сразу несколько событий: были одновременно арестованы епископ Григорий (Лебедев) и его единомышленник архиепископ Гавриил (Воеводин). Епископ Николай был официально утвержден управляющим Ленинградской епархией, а епископ Алексей неожиданно уехал в Москву.

Все эти три события, совершенно между собой как будто не связанные, имели, как оказалось потом, очень близкое друг к другу отношение. В мае 1927 г. в Москве собралась сессия вновь учрежденного Синода во главе с митрополитом Сергием, принявшая знаменитую Декларацию, которая до сего времени служит основополагающим документом в отношениях церкви и государства в СССР. Напомним основные положения этой декларации. 8 архиереев во главе с митрополитом Сергием заявляют о своей полной лояльности по отношению к советской власти, обращаясь к ней, они говорят: «Ваши радости есть наши радости, ваши скорби есть наши скорби». В то же время они отмежевываются от заграничных иерархов и требуют от них подписки о лояльности по отношению к советской власти. Главное, однако,

было не в декларации, главное было в том, что митрополит Сергей согласился на принцип « легализации » : регистрации органами власти всех священнослужителей. Официально священнослужители до 1943 года регистрировались церковным столом при местном городском Совете (на самом же деле все священнослужители фактически утверждались ОГПУ — Объединенным Государственно-Политическим Управлением), причем церковными делами ведал Тучков, умный, хитрый и изворотливый старый чекист. Епископ Алексей (Симанский) и поехал (держа это от всех в глубокой тайне) на сессию Синода. Епископ Николай был перед этим официально утвержден управляющим епархией. В этой связи понятен арест епископа Григория и архиепископа Гавриила — двух заведомых противников « легализации » (особенно опасен был популярный и талантливый епископ Григорий). Надо сказать, что все эти события происходили в атмосфере необычайной таинственности: Декларация митрополита Сергея и его Синода была опубликована в советской печати лишь через три месяца: 19 августа 1927 года, а официально доведена до сведения верующих лишь в сентябре 1927 г., когда она читалась с амвонов по церквам.

Сейчас, конечно, не вызывает никаких сомнений причина этой отсрочки : Тучков хотел поставить церковь перед совершившимся фактом, он согласился на опубликование Декларации только тогда, когда она была проведена в жизнь : все неудобные архиереи были сняты со своих епархий и заменены сторонниками « нового курса ».

Одним из первых был отставлен митрополит Иосиф. В июне 1927 года последовал указ о его переводе на Одесскую кафедру. Во всех храмах Петроградской епархии поминалось теперь имя епископа Николая. Все прошло тихо и спокойно. Не раздавалось никаких протестов. Осенью 1927 г., в сентябре, для того, чтоб окончательно закрепить Петроградскую епархию за сторонниками «нового курса», был рукоположен новый епископ — Сергей (Зинкевич).

Всех, однако, поражало одно странное обстоятельство: с епископом Николаем служил лишь один епископ Сергей. Все остальные епископы отказывались с ним служить. Это было странно и непонятно и показывало, что не все благополучно в « королевстве Датском ». Наконец, в конце октября произошло первое большое событие, говорящее о новом курсе. Власти разрешили открытие епархиального совета. Открытие епархиального

совета было задумано как грандиозное церковное торжество, которое должно было показать верующим, что в церковь пришла новая эра.

В храме Воскресения-на-крови (временном кафедральном соборе Питерской епархии) были назначены литургия и молебен. По храмам было объявлено, что литургию совершит собор всех питерских епископов во главе с преосвященным Николаем, епископом Петергофским, и в сослужении всего питерского духовенства. После литургии должен был быть совершен молебен. Каково же было всеобщее изумление, когда на литургию приехал лишь один епископ Сергей. Епископ Николай вышел только на молебен. Все остальные епископы опять отсутствовали. Правда, на молебен собралось большое количество духовенства, однако не все, а едва ли десятая часть — человек 30. Епископ Николай произнес перед молебном длинную речь; начав с того, что епархиальный совет Ленинградской епархии соберет воедино все духовные силы города, покончит с расколом, будет бороться с обновленчеством, сектантством, атеизмом, объединит достойнейших пастырей города, епископ затем заявил, что всему этому мы обязаны власти. Поэтому мы должны отплатить советской власти полной лояльностью и нелицемерной преданностью. В конце речи епископ преподнес сенсационное известие: митрополит Сергей (заместитель патриаршего местоблюстителя) сам берет на себя управление нашей епархией и 6-го декабря (в праздник св. Александра Невского) прибудет в Питер и совершит литургию в Александро-Невской лавре. Далее последовал восторженный панегирик митрополиту Сергию. Епископ напомнил, что еще в 1917 г. Сергей Страгородский был одним из кандидатов в митрополиты Петроградские, что еще раньше он был в Питере викарным епископом, часто служил в питерских храмах и многие помнят его вдохновенные проповеди. (Надо сказать, что, глубокий богослов и замечательный церковный писатель, митрополит Сергей был никуда не годным проповедником, и не только не говорил «вдохновенные» проповеди, но двух слов не мог связать). Речь епископа заканчивалась словами: «И сегодня же мною будет отдано распоряжение, чтоб вместо моего имени, как имени временно управляющего Ленинградской епархией, возносилось бы имя господина нашего высокопреосвященнейшего митрополита Сергия».

Епархиальный совет открылся в Новодевичьем монастыре (около Московских ворот), в игуменских покоях, председателем был избран протоиерей отец Леонид Богдавленский (бывший настоятель Исакиевского собора, в то время настоятель Троицкого собора на Измайловском проспекте). В работе епархиального совета участвовало несколько

протоиереев и только два епископа. Ни один из питерских епископов, кроме Николая и Сергия, в епархиальный совет так и не вступил.

1927 г. ознаменовался еще одним событием : 1-го декабря был открыт богословский институт, это действительно была сенсация — первое православное богословское учебное заведение на территории СССР с 1919 года. Правда, в Москве и Ленинграде функционировали обновленческие академии и институт, но не было института православного. Отец Николай Чуков стал ректором. В институте занятия происходили исключительно в вечернее время; преподавали питерские протоиереи; учащимися были молодые священники и диаконы. Увы ! Институт просуществовал немного более года. В январе 1929 года он был закрыт. Конец ноября ознаменовался еще одним радостным событием, — были освобождены из заключения архиепископ Гавриил и епископ Григорий.

Но вот наступил декабрь — месяц, когда ожидали приезда митрополита Сергия. 5 декабря митрополит должен был днем совершить молебен в храме Воскресения-на-крови; там должно было состояться представление митрополиту питерского духовенства. А всенощную и обедню он должен был совершать в лавре. Уже в два часа дня, за час до начала молебна, я был около храма Воскресения-на-крови. Подойдя к храму, я нашел кучку народа, недоуменно перешептывающуюся; никого из духовенства не было, а двери храма были запорты. Оказывается, митрополит в Питер по неизвестным причинам не приехал. В лавре нас ожидал новый сюрприз : всенощную совершал епископ Николай с двумя Сергиями (престарелым епископом Нарвским Сергием и нашим молодым епископом Детскосельским). Ни епископ Григорий, только что вышедший из заключения, и никто другой из епископов, стоявших в алтаре, не облачились и не служили. Надо сказать, что два праздника Александра Невского (12 сентября — перенесение мощей св. князя из Владимира в Питер, и 6 декабря — день кончины святого) празднуются в Питере особенно торжественно. Для нас, верующих, наш город является не городом Петра I и не городом Ленина, а городом Александра Невского, одержавшего на этом месте победу над шведами. Несметные толпы молящихся в этот день заполняют лавру. В то время обычно в богослужении участвовали все епископы и более сотни священников. Невыход епископов из алтаря в такой день был явной демонстрацией, нежеланием служить вместе с епископом Николаем. (В

алтаре находились епископы Гавриил, Григорий, Димитрий, Серафим, Стефан).

Но во время богослужения молящиеся были поражены еще одной невероятной особенностью: в то время как епископ Николай во время литургии поминал митрополита Петра и митрополита Сергия (на великом входе и после « Достойно »), архиерей поминал лишь одного митрополита Петра. После молебна многолетие было провозглашено также одному лишь митрополиту Петру. Случайностью это быть не могло. Диакон действовал по приказу епископа Григория. Для всех стало ясно, — назревает новый раскол. Так, в смятении и смутном беспокойстве, заканчивался для верующих питерцев знаменательный в церковной жизни 1927 год.

Мемуарист только рассказывает, оценивает историк. До сих пор говорил мемуарист. Что скажет историк ?

Многое из рассказанного выше совершенно непонятно : непонятно, зачем понадобилось властям выпускать на волю епископа Григория (Лебедева) и архиепископа Гавриила (Воеводина), двух явных противников митрополита Сергия и легализации, как раз в тот момент, когда решалась судьба нового курса церковной политики. Совершенно непонятно, почему власть воспрепятствовала приезду в Питер митрополита Сергия, хотя вступление в управление Петроградской епархией было безусловно согласовано с ГПУ. Все становится, однако, совершенно ясным, если принять во внимание, что ГПУ вело по отношению к церкви двойную политику и играло с ней как кошка с мышью. Опираясь на митрополита Сергия, ГПУ в то же время не желало его усиливать, оно хотело превратить его в такую же марионетку, как обновленческий синод, и потому науськивало на него недовольных «новым курсом». В конечном итоге эта политика удалась, но в данный момент ГПУ переиграло. Оно не учитывало того, что возникнет иосифлянское движение фанатиков-энтузиастов, в результате чего разразится так называемый «правый раскол».

Он разразился в 1928 г. О нем пойдет речь в следующей главе.